

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

Коммуникативные процессы в белорусско-литовских православных епархиях: эволюция системы образования (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Шевкун П.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», Витебск*

Внимание к истории белорусского православия определяется ролью церкви в производстве и трансляции социальной информации, ее значимостью в процессах социальной трансформации периода империи.

Цель статьи — дать характеристику образовательным мероприятиям в православной церкви Российской империи с точки зрения трансформации ее коммуникативной роли и показать место белорусско-литовских православных епархий в этом процессе.

Материал и методы. Исследование проведено на основе материалов, содержащихся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки и данных, уже введенных в научный оборот. В работе применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. С конца XVIII в. белорусско-литовские епархии были вовлечены в мероприятия по формированию системы образования духовенства, способной к воспроизводству кадров всех уровней квалификации. Результатом реформ Александра I стала трехуровневая структура: уездные училища, семинарии и академии. Новые преобразования произошли после того, как в 1839 г. состоялось объединение униатских епархий с православными. Их целью — превращение духовенства в социально активную категорию, способную находиться в центре коммуникации. В связи с этим было создано Духовно-учебное управление при Св. Синоде, большей регламентации подверглись процедура поступления и учебный процесс. К концу правления Николая I стало заметно, что новые курсы по естествознанию, сельскому хозяйству и медицине, наряду с повышением общей социальной нагрузки на духовенство, угрожают качеству собственно профессиональной подготовки священнослужителей.

Заключение. В конце XVIII — первой половине XIX в. содержание мероприятий в сфере духовного образования определялось возросшей коммуникативной нагрузкой на церковь, вызванной как потребностями абсолютистского государства, так и социальной системы в целом. На территории белорусско-литовских епархий проходили с незначительными вариациями процессы, характерные для всей православной церкви империи.

Ключевые слова: коммуникация, духовное образование, православные епархии, социальная система, духовенство, семинария, училище.

(Ученые записки. — 2016. — Том 21. — С. 63—69)

Communicative Processes in Belarusian — Lithuanian Orthodox Dioceses: Evolution of the Education System (Late XVIII — First Half of the XIX Century)

Shevkun P.V.

Educational Establishment «Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University», Vitebsk

Attention to the history of the Belarusian Orthodoxy is defined by the role of the church in the production and broadcast of information, its significance in the social transformation processes of the Empire period.

The work objectives are to give characteristic to educational events in the Orthodox church of the Russian Empire in terms of its communicative role and to show the place of the Belarusian — Lithuanian Orthodox Dioceses in this process.

Material and methods. The research has been carried out on the basis of information contained in the National Archives of the Republic of Belarus, Russian State Historical Archive, the National Library of Russia as well as circulating data. Historical-genetic, historical-comparative and historical-system methods have been used in the research.

Findings and their discussion. From the late XVIII century Belarusian — Lithuanian Orthodox Dioceses have been involved into the events on education organization system of clergy capable to reproduce personnel of all qualification levels. The result of Alexander's I Reforms was a 3 level structure: district colleges, divinity schools and academies. New transformations happened after unification of Union Dioceses with Orthodox ones which happened in 1839. Their purpose was turning clergy into a socially active category capable to stay in the centre of communication. Ecclesiastical Educational Board affiliated with Holy Synod was

Адрес для корреспонденции: e-mail: p.shevkun@mail.ru — В.П. Шевкун

established, the process of matriculation and educational process underwent further regulation. By the end of Nicolay I regency it had been marked that new courses on natural science, agriculture and medicine, alongside with the increase of general social impact on clergy, threatened the quality of churchmen professional training.

Conclusion. In the late XVIII — the first half of the XIX century content of events in the sphere of religious education depended upon increased communicative impact on church, caused both by the need of absolutist state and the social system on the whole. On the territory of the Belarussian — Lithuanian Orthodox Dioceses processes characteristic of all the Orthodox Church of the Empire took place with insignificant variations.

Key words: communication, religious education, Orthodox Dioceses, social system, clergy, divinity school, college.

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 21. — P. 63–69)

Церковь на протяжении веков имела ключевое значение в производстве и трансляции социально значимой информации. Она обладала для этого необходимыми ресурсами, механизмами верификации и контроля¹. Церковная община в коммуникативном плане была самодостаточна. Все элементы информационного обмена были ей свойственны и укладываются в классическую схему коммуникации, разработанную Г. Лассуэлом: кто сообщает, что, по какому каналу, кому и с каким эффектом? Считалось, что сообщал Господь религиозно-социальные истины, в рамках которых возможны были справедливые общественные отношения и спасение. Они предоставлялись населению посредством духовенства. Необходимый же эффект, то есть лояльное отношение к социальной системе, достигался с помощью ритуальных действий, традиции и отсутствия иных источников информации. Носители любой альтернативной информации дискриминировались, а их идеи дискредитировались. Характерными чертами информации предоставляемой церковью, были сакральность, традиционность, коллективность и цельность. Подобные составляющие позволяли ей быть самодостаточной и уникальной. В связи с этим от духовенства требовались лишь знание обряда и минимально необходимый уровень образования.

Цель статьи — дать характеристику образовательным мероприятиям в православной церкви Российской империи с точки зрения трансформации ее коммуникативной роли и показать место белорусско-литовских православных епархий в этом процессе.

Материал и методы. Исследование проведено на основе материалов, содержащихся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки, а также данных, уже введенных в научный оборот и освещающих различные аспекты развития духовного образования

¹ В современном мире церковь утратила монополию на легитимацию социальных отношений, на знание о человеке и обществе. Тем не менее, она является одной из наиболее значимых организаций гражданского общества.

на территории Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX в. В работе применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. В конце XVIII столетия в сфере коммуникации происходят знаковые перемены. Тенденции демократизации и индивидуализации, проявившиеся в западноевропейских странах, затронули и Российскую империю. В первую очередь на территории земель, присоединенных в ходе ликвидации Речи Посполитой. Уже на последнем этапе существования этого государства появляются первые средства массовой информации, создается светская система образования, а в 1791 г. принята конституция. Аристократия лишилась монополии на государственное управление, а границы политического народа раздвигались, что, в свою очередь, требовало более динамичной коммуникации.

В Российской империи развитие шло по несколько иной траектории. Со времени правления Павла I набирала силу тенденция, в рамках которой сословия должны были стать «прозрачными» для государства. Это подразумевало выстраивание границ сословий, сбор социальной информации, активизацию процессов, ускоряющих их развитие. По существу, под видом формирования более четкой и слаженной сословной системы в империи проходила модернизация, необходимым элементом которой как раз и являлась ликвидация сословных институтов. Обратной стороной государственных инициатив была девальвация важнейшей характеристики этих корпораций — традиционности.

Особая роль в активизации коммуникации принадлежала православной церкви. Острая нехватка чиновничьих кадров, плохие транспортные пути, относительно низкая плотность населения, значительная удаленность села от города, безграмотность абсолютного большинства подданных свидетельствовали об отсутствии у государства возможностей для создания собственных каналов коммуникации. В этих условиях церковь представлялась приемлемым способом их замены. Кроме того, имея архаичные сословно-корпоративные структуры и тесно

связанный с ними абсолютистский режим, легитимность существовавшей социальной системы невозможно было поддерживать, игнорируя религиозную, традиционалистскую составляющую. Духовенство должно было стать важнейшим фактором активизации социальной жизни в политически приемлемом направлении.

Также необходимо отметить и новые тенденции уже в рамках собственно религиозной коммуникации. В рассматриваемое время они были заметны на уровне аристократии и все чаще проявлялись фактами индивидуального, а не корпоративного религиозного самоопределения. Это предполагало постепенную перемену роли духовенства: от сакрального авторитета к лидеру религиозной общины, когда надо было не столько священнодействовать, сколько убеждать. На низовом уровне возникали опасения активизации в рамках православия еретических учений и сект, в силу чего государство прилагало усилия по защите привилегий православия. Однако этого было недостаточно. От духовенства требовался существенно иной уровень образования, в рамках которого оно могло бы оправдывать ожидания и являться эффективным элементом коммуникации, способным адекватно социальным требованиям предоставлять информацию и регулировать ее потоки.

На территории Беларуси православное духовенство в правление Павла I и Александра I выполняло презентативную функцию власти династии Романовых. Российская империя являлась православным аристократическим государством, а на территориях «присоединенных от бывшей Речи Посполитой» господствовала католическая аристократия. Российская власть была представлена лишь размещенными в регионе войсками и административными учреждениями в наиболее значимых населенных пунктах. В силу этого потребностей в целенаправленных действиях по выводу белорусско-литовских православных епархий на качественно новый уровень развития не было. Российские власти смотрели на православие в регионе как периферию, которую необходимо поддерживать исходя из политических и институциональных соображений. Соответственно и мероприятия, призванные активизировать коммуникативную роль церкви, принципиально не отличались от того, что проводилось в собственно российских епархиях, несмотря на их низкую эффективность в западных губерниях.

Между тем православие на землях Речи Посполитой находилось в сложном положении. На протяжении XVII–XVIII стст. церковь лишилась прихожан в среде аристо-

кратии и была вытеснена на обочину социального развития. Возможности местных архиереев, даже при условии поддержки российской власти в крае, по улучшению морального и повышению образовательного уровня духовенства были ограничены недостатком священно- и церковнослужителей, монахов, низкой материальной базой. Внутренними силами переломить ситуацию было сложно. Не приходилось рассчитывать и на клириков соседних епархий, поскольку избытка достойных кандидатов там не было. Это определило ограниченность административных ресурсов у епархиального руководства [1, с. 511]. Однако с конца XVIII в. белорусско-литовские епархии были вовлечены в мероприятия по формированию системы образования духовенства, способной к самообновлению и систематическому воспроизводству кадров всех уровней квалификации. Необходимость в этом была вызвана расширяющимися потоками альтернативной информации. Процесс секуляризации, со всей очевидностью проявившийся в Западной Европе, активизировал деятельность неправославных христианских конфессий, направленную и на популяризацию своих учений. Информация, которая предоставлялась церкви со стороны государства, также требовала относительно высокого уровня образования. В социальном плане только образованное на систематическом уровне духовенство способно было соотнести тенденции общественного развития с истинами веры, наполнить религиозными смыслами происходящие перемены, укрепляя, тем самым, их легитимность. С данной целью 18 декабря 1797 г. были открыты в дополнение к Киевской еще две духовные академии: в Санкт-Петербурге и Казани для подготовки учителей в духовные учебные заведения. Кроме этого на содержание семинарий правительство увеличило финансирование.

На территории Беларуси действовали две семинарии: в Слуцке (Минская) и в Могилеве (Белорусская). В 1797 г. численность учеников составляла в Могилевской — 160 человек, в Слуцкой — 70 [2, л. 7–10 об., 11 об.]. Семинарии были приписаны к Санкт-Петербургской и Киевской академиям, куда каждые два года должны были отправлять по два студента. Однако это требование выполнялось нерегулярно [3, л. 307, 260]. Уровень подготовки в Минской семинарии ограничивался в 1796–1799 гг. низким и средним классами. Классы философии и богословия (высшие) открыли в семинарии в 1800 и 1806 гг. [1, с. 435–437]. Кроме духовных учебных заведений, дети клира обучались и в светских. Так, Белорусская кон-

систория обязала Гомельское духовное правление «понуждать нерадивых отцов (из священно- и церковнослужителей. — П.Ш.) к доставлению в тамошнюю гимназию» своих детей [4, л. 66].

В это время подверглась регламентации и система преподавания. Св. Синод собирал ежегодные отчеты «об учителях и учениках» с описанием, «что в каком классе и каким порядком было преподаваемо». Впервые семинаристов обязали приобретать «нужные сведения о сельской и домашней экономии», иметь «некоторое понятие о врачевании болезней» [5]. По указу Св. Синода от 24 января 1803 г. семинаристов и священников привлекали к преподаванию в уездных училищах и гимназиях. Предполагалось, что та информация, которую подданные получают в процессе образования, должна иметь своего рода «религиозный код», ибо, в рамках религиозной доктрины, абсолютная истина и абсолютное знание есть Господь. Поэтому уровень образования духовенства, его участие в просвещении и, в целом, интеллектуальный авторитет духовенства должны были невидимыми нитями связать светское знание, индифферентное к религиозным истинам, с духовно-конфессиональными основами социальной системы империи. В манифесте Александра I об образовании Министерства духовных дел и народного просвещения говорилось: «желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения ...» [6, с. 814]. 21 апреля 1805 г. последовал указ Св. Синода о заведении при церквях приходских училищ для детей духовно- и церковнослужителей [7, л. 3–5]. В 1808 г. в Могилевской епархии открыли Гомельское и Невельское духовные училища, в 1810 г. — еще 18. Массовое появление училищ породило и ряд проблем. Так, из-за отсутствия специальных зданий, необходимого количества педагогов, системы контроля, в связи с проблемами с набором учеников училища функционировали нерегулярно [8, л. 3 об., 11 об.; 9, л. 117а]. Наименее способным семинаристам организовали «русские школы» по обучению чтению, церковному уставу, нотному пению, письму, катехизису, священной истории. Об отсутствии на государственном уровне серьезной проработки вопроса открытия училищ свидетельствует и то, что штатные оклады для них были составлены только в 1820 г. [10, л. 20].

Начинания Павла I по медицинской подготовке клира были продолжены. В семинарских программах появились курсы по медицине. Для подготовки учителей по указу от 17 июля 1802 г. в медицинскую академию направи-

ли 50 студентов из духовных семинарий и академий. Также предписали распространить по приходским церквям «Наставление о лечении с описанием обыкновенных простонародных болезней и лекарств» [11]. 15 марта 1804 г. в Минской семинарии был открыт медицинский класс [1, с. 437]. Очевидно, власти рассчитывали использовать духовенство в связи с острой нехваткой врачей.

Реформы Александра I предусматривали создание трехуровневой системы образования: уездные училища, семинарии и академии. Было сформировано три округа во главе с академиями. Минская семинария вошла в Киевский, Могилевская — в Санкт-Петербургский. Общее руководство осуществлялось Комиссией духовных училищ при Св. Синоде. Семинарии и училища изъяти из подчинения епархиальных архиереев, что свидетельствовало о первостепенном значении проводимых реформ. Финансирование шло из бюджетных ассигнований и епархиальных доходов [12, л. 25–26 об.]. В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ, по которым детей клириков обязали обучаться в духовных учебных заведениях. В законе допускалась возможность домашнего обучения при условии, что детей необходимо записать в училище и привозить на экзамены [13, с. 152].

Реорганизация структуры духовного образования в Могилевской и Минской епархиях произошла в 1817 г. В Могилевской закрыли 9 училищ и открыли 1 (Велижское). В Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища. Педагогический коллектив состоял из ректора, четырех учителей и инспектора. Количество учащихся в семинарии снизилось со 159 до 65 человек [8, л. 33 об.—35, 39 об.]. Тем не менее содержание Минской семинарии оказалось недостаточным несмотря на то, что к имеющимся трем тысячам рублей было выделено дополнительно еще три тысячи в год. Св. Синод 17 апреля 1818 г. перевел семинарию в первый разряд с соответствующим увеличением штатного финансирования [14, л. 3, 10–11].

С целью более эффективной коммуникации в условиях поликонфессионального региона в 1822 г. в Минской семинарии открылся класс по изучению польского языка «во уважение того, что польский язык в здешнем краю есть общеразговорный». В 1823 г. в семинарии обучалось 74 учащихся в возрасте от 16 до 25 лет. Из них в высших философском и богословском отделениях было 17 человек. В уездном училище

обучалось 142 ученика, в приходском — 67 [15, л. 25]. В этом же году в Могилевской семинарии было 187 учащихся, среди которых 47 человек учились в высших классах. В 4-х уездных училищах обучалось 182, в 7-ми приходских — 114 человек [16, л. 164–165].

Уровень образования обусловил и преимущества при назначении на священнические места. Так, архиереи должны были «воспитанных семинаристов предпочитать не учёным». Однако таких было немного. Полный курс семинарии имели даже не все представители высшего епархиального духовенства. Например, протоиерей Минского кафедрального собора И. Пономарев «в школах не обучался» [9, л. 117а].

Одним из элементов политики в области просвещения духовенства являлось снабжение епархий литературой. Наиболее распространенной практикой был централизованный заказ книг в Московской типографской конторе. Тем не менее основной фонд семинарских библиотек составляла неправославная литература. Так, библиотека Минской семинарии в 1806 г. состояла из 971 названия, среди которых 615 были латинскими и 98 кириллическими, поскольку ее фонд сформировали за счет библиотек двух упраздненных базилианских монастырей [1, с. 439–440].

Правительство Николая I активизировало работу по повышению образовательного уровня духовенства. 6 декабря 1829 г. получило силу закона «Положение об усилении способов к образованию духовного юношества и обеспечению приходских причтов». Оно предусматривало, помимо прочего, увеличение числа учащихся на «казенном содержании», назначение в приходы кандидатов, окончивших семинарии [17, с. 834–838].

Тем не менее существенного эффекта этот указ не имел. Так, А.И. Войцехович, инспектировавший Минскую епархию, писал обер-прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву: «Вообразите несколько домиков, ветхих, вросших в землю, на болотистом месте: это домики, в которых ютится местная семинария с уездным училищем, а в них более 200 воспитанников. В одной небольшой комнатке живут по 8-ми человек, на одной узкой кровати спят по два иногда по три ...» [18, с. 152]. В отчете о состоянии Полоцкой епархии ее глава — епископ Смарагд (Крыжановский) — писал, что у него «едва встречается десятый священник, окончивший курс семинарского ученья; а из причетников редко который знает свои предметы» [19, с. 159].

На протяжении 1830-х гг. светские и церковные руководители сконцентрировали

свое внимание на решении проблемы численного роста православия путем присоединения униатов. Только после того как в 1839 г. состоялось объединение униатских епархий с православными, была продолжена унификация системы духовного образования [20, с. 8].

Вместо Комиссии духовных училищ 1 марта 1839 г. создали Духовно-учебное управление при Св. Синоде. Дальнейшей регламентации подверглись процедура поступления и учебный процесс. В 1840 г. были установлены правила деления классов. К этому времени, с точки зрения властей, инициатив по усилению социальной нагрузки на духовенство, отмеченных выше, было недостаточно, да и в большинстве они уже не реализовывались. В силу этого обер-прокурор, выражая мнение императора, ставил задачи о формировании у клириков знаний и навыков «снисходить к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общегитии, как то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями оного, под руководством просвещенного и опытного наставника и под особым надзором местного Архиерея» [21, с. 62–64]. Дошло дело и до улучшения состояния Минской семинарии. В 1840 г. состоялся ее переезд из Слуцка в Минск. На это с 1835 г. было выделено 50 тысяч рублей [10, л. 168–169].

В 1843 г. Горы-Горетская земледельческая школа стала основным местом подготовки учителей сельскохозяйственных наук в духовные учебные заведения империи. В ее стенах велась подготовка пособия для преподавания сельского хозяйства в семинариях. Также в 1845 г. объявили конкурс на составление специального сельского лечебника, а в 1846 г. в семинариях вновь открыли классы медицины [10, л. 85, 98–99]. Одним из направлений применения полученных знаний было участие духовенства в профилактических мероприятиях против оспы и холеры. В православные епархии в 1852 г. разослали на русском и польском языках пособия «О мерах и предосторожностях при появлении болезни — холеры» [22, л. 1–2 об.].

Обер-прокурор Св. Синода Н.А. Протасов реализовывал мысли Николая I, связанные с идеей практической направленности образования и желанием императора видеть в духовенстве социально активную категорию своих подданных, способных быть в цен-

тре коммуникации, если не среди интеллектуальной элиты общества, то, по крайней мере, на ее срединном и низовом уровне. В таком случае духовенство смогло бы стать гарантом стабильности российского общества. Не случайно в отчетах обер-прокурора всегда подчеркивались успехи по введению в духовных учебных заведениях новых курсов [13, с. 153].

В это время социальная нагрузка на церковь фактически достигла предела. У государства (и общества в целом) по-прежнему не было иных, такого же уровня проникновения, как у церкви, каналов коммуникации. В системе духовного образования подобные тенденции начинали угрожать качеству уже собственно профессиональной подготовки священнослужителей. Однако решение этих проблем приходится на вторую половину XIX ст. [23].

Заключение. В конце XVIII – первой половине XIX столетия в православной церкви Российской империи были проведены мероприятия, направленные на создание системы духовного образования, способной к самообновлению, производству необходимого количества образовательных услуг, для всего клира. С этой целью подверглись регламентации и унификации структура системы образования и учебный процесс. В правление Николая I в связи с усилением социальной роли приходского духовенства в учебные программы были введены естественнонаучные дисциплины и сельское хозяйство.

На территории белорусско-литовских епархий проходили с незначительными вариациями процессы, характерные для православной церкви империи в целом. До 1839 г. центральные власти не считали допустимым и рационально обоснованным существенно выделять епархии региона, в том числе и на уровне системы образования, после же объединения униатских епархий с православными это считалось излишним, так как по структурным показателям они, в основном, соответствовали собственно российским. Тем не менее перед православным духовенством региона в сферах образования и коммуникации стояли дополнительные задачи, вытекавшие из поликонфессионального характера региона, господства католической аристократии и низкой легитимности российской власти. Они заключались в необходимости большей внешней и внутренней консолидации приходов, повышении уровня конфессионального самосознания, дифференциации социальной и религиозной информации. В рассматриваемое время, в силу особенностей синодальной системы организации церкви, эти за-

дачи не находили решения на системном уровне.

Общее же смысловое наполнение мероприятий в сфере духовного образования определялось возросшей коммуникативной нагрузкой на церковь, вызванной как потребностями абсолютистского государства, так и социальной системы в целом. Новые секулярные знания, индифферентные к религиозной составляющей и традиции, действия государства, вмешивавшегося в сословные корпорации, требовали от духовенства активной позиции, в рамках которой ускорявшиеся процессы коммуникации представлялись бы как соответствующие религиозному идеалу и традиционным основам социальной системы российского общества. Информация, которая могла бы рассматриваться как существующая независимо от церкви и религии, благодаря активной деятельности духовенства получала код, вписывавший ее в привычные представления о жизни человека и социума. Однако к концу правления Николая I потенциал церкви в качестве основной системы коммуникации в империи был исчерпан.

Литература

1. Рункевич, С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С.Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
2. Ведомости по Минской и Могилевской семинарии за 1797 г. // Российский государственный исторический архив. – Фонд 796. – Оп. 78. – Д. 998.
3. Указы Св. Синода за 1798 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 7.
4. Указы Белорусской духовной консистории за 1800–1801 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 4.
5. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях: Высочайше утвержденный доклад Св. Синода, 31 окт. 1798 г., № 18726 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXV. – С. 426–431.
6. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения: Манифест, 24 окт. 1817 г., № 27106 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXIV. – С. 814–834.
7. Дело по указу Синода об открытии приходских училищ при церквях. 1805–1806 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 312а.
8. Сборник материалов по истории духовных учебных заведений // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 550. – Д. F.XVIII.37.
9. Указы Белорусской духовной консистории за 1800–1801 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 4 об., 5, 7 об.
10. Обзор духовно-училищных обозрений по ведомству Православного исповедания с 1832 по 1845 г. / сост. Г.И. Савваитов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 550.
11. О замене в селениях недостатка врачебных учреждений заведением в духовных училищах нужных к сему познаний: Именной указ, данный Св. Синоду, 17 июля 1802 г., № 20334 // Полное собр. законов Рос. империи:

- собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. — СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. — Т. XXVIII. — С. 194.
12. Указы МДК за 1797–1820 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. — Фонд 779. — Оп. 1. — Д. 1.
13. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 / И. Преображенский. — СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1897. — 236 с.
14. Дело по указу Синода о выделении Минской казенной палатой дополнительной суммы на содержание Минской духовной семинарии. Ведомость расхода денег на увеличение жалованья преподавателям и содержания семинаристам. 1807 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. — Фонд 136. — Оп. 1. — Д. 1860.
15. Ведомости за 1823 г. об учебных заведениях Минской епархии // Российский государственный исторический архив. — Фонд 802. — Оп. 1. — Д. 3618.
16. Ведомости за 1823 г. об учебных заведениях Могилевской епархии // Российский государственный исторический архив. — Фонд 802. — Оп. 1. — Д. 3611.
17. Об усилении вящих способов к образованию Духовного юношества и к обеспечению церковных причтов в безбедном содержании: Именной указ, данный Св. Синоду, 6 дек. 1829 г., № 3323 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. — СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. — Т. IV. — 1830. — С. 833–839.
18. Из писем Алексея Ивановича Войцеховича к С.Д. Нечаеву // Русский архив. — 1893. — Кн. 2. — С. 150–152.
19. Глубоковский, Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (–1863.11.11), его жизнь и деятельность / Н.Н. Глубоковский. — СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. — 558 с.
20. Васович, С.М. Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси. Конец XVIII — 1914 г.: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / С.М. Васович; Инст. ист. НАН Беларуси. — Минск, 2003. — 22 с.
21. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. — СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1851. — 151 с.
22. Дело о получении благочинными епархий указаний Минского губернского правления о мерах предупреждения холеры. 1852–1853 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. — Фонд 136. — Оп. 1. — Д. 24443.
23. Семин, И.А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825–1870-е гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 09.00.13 / И.А. Семин; Российская академия гос. службы при Президенте РФ. — М., 2006. — 34 с.

Поступила в редакцию 26.04.2016 г.